

Во второй половине этого же дня заместитель главы Ревизионной палаты, Хуан Юн, лично нанес визит:

– Адъютант Ли!

Хуан Юна сопровождали чиновник Лянь Хао и носильщик, в руках которого была лакированная шкатулка. С ней все трое и пришли в Отдел экзорцизма.

Ли Цзинлун же в это время страдал от похмелья. С растрепанными волосами и нахмуренным лбом он вышел встречать визитеров.

После дела об имперском экзамене Ревизионная палата больше не смела закатывать глаза при упоминании Ли Цзинлуна: он послужил своей стране, и император был благосклонен к нему. Поэтому Хуан Юн поприветствовал адъютанта с улыбкой и дружелюбно произнес:

– Вы еще не встали? С моей стороны было слишком самонадеянно приходить в столь ранний час, очевидно, ваш Отдел экзорцизма работает ночью...

– Прошу, проходите, – Ли Цзинлун с Хунцзюнем сумели вернуться, лишь когда солнце поднялось на высоту трех бамбуковых делений. Его тело едва ли не растеклось под тяжестью Хунцзюня, и он с трудом держал глаза открытыми. – Нет, это Ли Цзинлун был самонадеян. Позвольте, я пойду переоденусь.

– Прошу, идите спать! – поспешил сказать Хуан Юн. – Ревизионная палата передает вам некоторые дела, мы оставим все здесь.

Ли Цзинлун проснулся в это мгновение окончательно, он долго сверлил взглядом эту шкатулку и лишь после пришел в себя. Пока мужчина собирался с мыслями, Хуан Юн произнес:

– Если вам что-нибудь понадобится, сообщите Лянь Хао.

Лянь Хао быстро кивнул и вместе с Хуан Юном поспешно сбежал.

Лицо Ли Цзинлуна исказилось от ужаса, когда он открыл этот сундук. Он был доверху набит хаотично разложенными материалами дел. По меньшей мере две сотни свитков.

В этот день, проснувшись, все были уставшими, но счастливыми. Когда Хунцзюнь вышел умыться, он еще напевал «Весной река поднимается так же высоко, как и море». Все были в блаженстве от воспоминаний о вчерашнем посещении борделя.

– Давайте сегодня еще разок туда ходим, хе-хе, – предложил Цю Юнсы.

- У меня осталось не так много денег, - ответил А-Тай. - Мне все еще не вернули те три тысячи двести таэлей.

- У меня есть! Немного, но есть! - сказал Хунцзюнь. - Давайте купим то место, где делают вишневые било!

- Звучит заманчиво! - отозвался Мо Жигэнь. - Тот магазин...

Ли Цзинлун с сильнейшим страданием, отраженном на лице, произнес:

- У нас дела, а вы все дурачитесь? С таким успехом можно просто распустить Отдел.

После обеда Хунцзюнь посмотрел на стопку свитков на столе. Все ошеломленно главели на них.

- Мы лишь кошку нашли, - сказал Мо Жигэнь. - Нам правда необходимо отзываться на это?

Ли Цзинлун оказался единственным, кто взял свиток и развернул его.

- Это трудные дела, их нам послала Ревизионная палата. Просмотрите и прочтите все разок, а завтра мы поделимся и займемся расследованием.

- Они как-то связаны с яо? - поинтересовался Хунцзюнь.

- Откуда может быть столько яо? - возразил Цю Юнсы. - Полагаю, дело в благосклонности Его Величества и его любимой наложницы, поэтому, чтобы никого не обидеть, они в порыве вдохновения решили передать нам дела, которые не смогли раскрыть.

- Если они не связаны с яо, то пишите «проверено, с яо связи нет», - ответил Ли Цзинлун, - а после отправьте обратно в Ревизионную палату. Дела не наши, чтобы заботиться о каждом.

Хунцзюнь посмотрел на свиток:

- Привратник Цинь был жестоко убит в собственном доме ночью, неужели нас это не волнует?

Ли Цзинлун взял свиток и, бросив один взгляд, отбросил его в сторону:

- Мужчину убили, но не яо.

- На второй день одиннадцатого месяца четыре подвесные монеты исчезли, будто у них

выросли крылья¹, – прочитал А-Тай.

¹ Будто выросли крылья (кит. 无翼) – без крыльев, а улетело (обр. в знач.: а) запропасться, потеряться, исчезнуть; б) молниеносно распространиться).

Цю Юнсы улыбнулся:

– Вероятно, дети украли их и потратили.

– Мой маленький сын кричит, что видит ночью призраков, – прочитал Мо Жигэнь другой свиток. – Это стоит отправить кому-нибудь, кто занимается ритуалами исцеления, почему же это отправили нам?

– Когда мы выехали из города, моего мула ударила молния, он убежал. Я считаю, что в этом замешан яо. Ох... да пошел ты, – Ли Цзинлуну захотелось вместо всего этого просто взять с собой подчиненных и вместе стереть с лица земли Ревизионную палату.

Хунцзюнь снова взял свиток об убийстве привратника и спросил:

– Если не мы расследуем, что тогда?

– Это работа Ревизионной палаты, – ответил Ли Цзинлун. – Если отправишь его обратно, они обязаны будут провести расследование.

– Тогда, если судить по вашим словам, дело останется нераскрытым, если Ревизионная палата побоится оскорбить убийцу? – поинтересовался юноша.

– Да, тогда судьба этого дела – остаться нераскрытым, – ответил Цю Юнсы.

Хунцзюнь все же выбрал свиток об убийстве привратника и положил его сбоку. Ли Цзинлун вздохнул:

– Ладно, ты все равно будешь скучать без дела, так что, если хочешь отправиться на разведку, иди.

Хунцзюнь схватил свиток и пошел к двери.

Мо Жигэнь собрался сопровождать юношу, но Хунцзюнь жестом показал, что в этом нет необходимости. Он переоделся в свою форму и вышел.

– Я пойду проверю, как он, – встал Ли Цзинлун, не сумев усидеть на месте.

- Да-да, адъютант, - тут же согласились все. - Вы должны проверить. Идите!

Ли Цзинлун лишь вздохнул и сел, скрестив руки на груди. Он начал говорить серьезным голосом:

- Мне кажется, нам следует кое-что обсудить. У меня складывается ощущение, что ваша троица как-то неправильно понимает мое стремление изо всех сил защитить Хунцзюня.

Хунцзюнь преодолел множество районов города, прежде чем попасть в округ Гуйи. Этот район был трущобами Чанъяня: обветшалые и разрушенные стены, липнущие друг к другу дома и лужи из нечистот в переулках. У одинокого дома с отдельным входом имелся двор, заваленный разнородными подержанными товарами, внутри же царила тишина. Хунцзюнь поднял упавшую на землю погремушку в форме барабана, покрутил ее, она немного пошумела, и тут раздался голос молодого человека:

- Если вам нравится, тогда забирайте. Просто бросьте немного денег в банку.

Хунцзюнь толкнул дверь и вошел. Он увидел резиденцию бедной семьи Чанъяня: заклеенные бумагой окна, а перед дверью бросили комплект доспехов. Броня эта была знакома - именно такую носил Ли Цзинлун, когда служил в Лунъю.

Молодой человек, выглядящий не старше Хунцзюня, сидел на кровати и чистил меч в руках. Услышав, как открылась дверь, он поднял голову и в замешательстве уставился на Хунцзюня.

- Я из Отдела экзорцизма, пришел по одному делу, - Хунцзюнь вытащил свиток, висевший у него на поясе. - Кем вам приходился убитый привратник?

Впервые Хунцзюнь расследовал дело. Он узнал, что юношу звали Цинь У, ему было девятнадцать лет, и он приходился Ли Цзинлуну сослуживцем.

Цинь У отложил меч в сторону и нахмурился:

- Отдел экзорцизма? Разве это не ведомство господина Ли? Что тебе надо?

Сбитый с толку Хунцзюнь уточнил:

- Разве не здесь жил привратник с фамилией Цинь, которого... очень жестоко... С ним что-то произошло ночью?

- Моего отца убили, - Цинь У пристально уставился на Хунцзюня. - К тебе это не имеет никакого отношения, уходи.

Но вместо этого Хунцзюнь сел на кровать и нерешительно произнес:

- Я просто немного посижу тут с тобой.

- В этом доме нет ничего, чтобы принимать тебя как гостя. У капитана Ли все хорошо?

Хунцзюнь ответил, что с ним все хорошо, а после двое юношей на долю секунды сели лицом друг к другу. Цинь У глубоко вздохнул, и Хунцзюнь спросил:

- Кто его убил?

- Кто-то из семьи Ян, - ответил Цинь У. - Второй ответственный за покупки в поместье Ян Гочжуна сговорился с моей мачехой задушить отца ночью. Ничего не поделаешь, моя семья слишком бедна.

Хунцзюнь в глубине души подумал, что версия Цю Юнсы была не так далека от истины. Убийца оказался кем-то, кого Ревизионная палата побоялась обвинять, поэтому передала дело Отделу экзорцистов. Казалось, он зря сюда пришел.

- Как его зовут? - не сдержался Хунцзюнь. - Давай снова обратимся в Ревизионную палату.

Цинь У не ответил, лишь пристально посмотрел на Хунцзюня и произнес:

- В тот день я видел тебя на тренировочных площадках снаружи. Капитан Ли хорошо к тебе относится?

Хунцзюнь понятия не имел, почему этот юноша неожиданно сменил тему на что-то совершенно не относящееся к делу. Он на мгновение задумался и ответил:

- Адъютант очень хороший человек.

- М-м-м, цените ваше совместное время, - ответил Цинь У. - Скажи ему не беспокоиться обо мне.

Хунцзюнь вопросительно посмотрел на собеседника. Он хотел спросить больше, но Цинь У поднялся, желая проводить гостя, так что юноше оставалось только вернуться. Цинь У действительно выглядел слишком спокойным; если бы это был сам Хунцзюнь, он не смог так держаться.

Вскоре после того, как Цинь У проводил Хунцзюня, дверь снова открылась. Юноша как раз собирался взять меч, но, обернувшись, увидел Ли Цзинлуна и замер. Они молча смотрели друг

на друга через полутемную комнату. Наконец-то Цинь У смог сказать:

- Ли... капитан Ли...

- Когда Хунцзюнь подобрал это дело, я предположил, что это может быть твоя семья, - вздохнул Ли Цзинлун и сел. - Где твоя мачеха?

- В трауре, - ответил Цинь У. - Сорок девять дней, как и положено, а через семь недель она выйдет замуж. Сейчас они снимают дом и живут там же.

- За эти годы у семьи Ян появилось много власти, - вздохнул мужчина. - Этот гнев тебе придется проглотить на некоторое время.

Цинь У ничего не ответил.

- Как бывший сослуживец скажу: я запомню это дело, однако сейчас для него неподходящее время, - сказал Ли Цзинлун после молчания.

- Семье Ян достаточно руку поднять - и небо затянет тучами², совсем как пес, который лает на людей, потому что знает, что хозяин его защитит³, - произнес Цинь У. - Они тиранили своих коллег из чиновничества, насильно захватили плодородные земли, избивали невинных женщин и детей. Они присвоили себе жалованье Шести армий и пограничных войск. До каких пор я должен терпеть это?

² Достаточно руку поднять - и небо затянет тучами (кит. 翻手为云) - закрывать небо одной рукой; обр. своей силой скрывать истинное положение вещей.

³ Пес, который лает на людей, потому что знает, что хозяин его защитит (кит. 摇尾而求食) - собака пользуется покровительством человека; (обр. распоясаться под защитой сильного покровителя).

- Люди всегда будут сталкиваться с несправедливостью в жизни, однако однажды приходит день, когда узлы развязываются. Так что не принимай все это близко к сердцу. Я это убийство отложу в голове, но пока что пусть все останется как есть.

Сказав это, Ли Цзинлун поднялся и направился к выходу. Цинь У спокойно наблюдал за удаляющимся мужчиной, но стоило ему выйти за дверь, как Цинь У неожиданно произнес:

- А вы все прежний, капитан Ли.

- Я уже не прежний, - сказал Ли Цзинлун, повернув голову, а после покинул дом Цинь.

На следующий день поступили новые дела.

– Почему же их так много? – Хунцзюнь не успел прочитать даже вчерашние дела. Все были в растерянности и не находили слов.

– Лянь Хао! Стоять! – крикнул Ли Цзинлун.

– Сегодня дела об убийствах!

Лянь Хао бросил очередную стопку свитков, а после, будто дым, ускользнул. Становилось все скучнее просматривать дела, поэтому экзорцисты стали разделять их. Утром чтением занимались А-Тай, Мо Жигэнь и Цю Юнсы, а во второй половине дня – Ли Цзинлун, Хунцзюнь и Чжао Цзылун. Они сменяли друг друга, а те, кто не читал дела, занимался исследованием. Все дела, не связанные с яо, возвращались в Ревизионную палату.

– Цинь У спрашивал о вас, – сказал Хунцзюнь в один из дней проверки дел.

– Что же он рассказал обо мне? – рассеянно спросил Ли Цзинлун, бросив на Хунцзюня взгляд из-под свитка.

– Вы дружили? – поинтересовался юноша.

– Полагаю, можно и так сказать.

Хунцзюнь посмотрел мужчине в глаза, и тот, не удержавшись, добавил:

– Когда сяо⁴ У вступил в Лунъю, ему было примерно столько же, сколько и тебе.

⁴ Сяо (кит. 小) – здесь в роли уменьшительно-ласкательного суффикса в знач. «младший, маленький, молодой».

Тогда Ли Цзинлун только получил звание капитана, и подчиненные восхищались его воинским благородством. Но на второй год после вступления в армию, кое-что произошло, и это событие было связано с Цинь У.

– Так тебя предали, да? – сказал карп, уткнувшись в один из свитков.

Ли Цзинлун тихо промычал и ответил:

– Позднее появился шанс получить повышение, а семья Цинь У была слишком бедной, он хотел заполучить этот шанс в свои руки. А я был слишком близок с подчиненными, так что Цинь У

воспользовался возможностью и рассказал о том, что... впоследствии моя репутация потерпела крах.

– Почти двадцать лет, но все еще не женат, – сказал Чжао Цзылун. – И каждый день флиртуешь с юношами. Трудно поддерживать обычные мысли в людских головах, верно?

– Ты... – от этих слов у Ли Цзинлуна чуть не прихватило сердце, Хунцзюнь поспешил потереть ему спину.

– Что значит «репутация потерпела крах»? – спросил юноша. – Что произошло? Почему я опять ничего не понимаю?

Слова у Ли Цзинлуна снова иссякли, однако Чжао Цзылун не переставал осуждающе смотреть на адъютанта, спрашивая:

– Значит, он сказал правду?

– Как это может быть правдой? – возмутился Ли Цзинлун. – Я чист и невинен, у меня не было никаких плохих намерений по отношению к нему!

Все в армии отличались юношеской красотой, а в Шести армиях не было недостатка в изящно прекрасных сынах, поэтому, естественно, эти молодые люди, не успевшие остепениться, были близки друг с другом. Однако те, кто вступал в армию, в первую очередь сосредотачивались на отработке своих боевых навыков. Быть солдатом по-прежнему считалось обязанностью: брать оружие в руки пред лицом опасности и умирать за свою страну.

В будние дни Лунъю находилась под бдительным присмотром императора, поэтому они старались не устраивать беспорядков. Тренировки, соревнования и состязания, от крупных мероприятий, например, эскорт императора, до мелких, вроде учений, которые проводились первого и пятого числа каждого месяца, каждому присваивались звания в зависимости от результатов этих мероприятий. Если бы хоть кто-то был не в состоянии идти в ногу, его подвергали оскорблениям, насмешкам, а также вынуждали в полном обмундировании стоять под солнцем на протяжении четырех шиченей⁵, пока учения не кончатся.

⁵ Шичень (кит. 时辰) – стар. большой час, т.е. 2 часа. Соответственно, четыре шиченя равняются 8 часам.

С таким уровнем трудностей они каждый день возвращались в свои комнаты и, очевидно, сразу же засыпали, откуда же у них могла иметься энергия для других дел? Если бы они как-то замедлили отряд, то ночью их ждала «темная», состоящая из обернутой ткани вокруг лица и избиений сослуживцев. Если бы слухи о том, что он обрезанный рукав, разошлись, он точно бы стал обузой для отряда и объектом для насмешек уже всей армии.

Так случилось, что Ли Цзинлун когда-то проинструктировал Цинь У по этому поводу, поэтому он уже несколько беспокоился об этом, к этому присоединилось желание получить повышение и вытеснить Ли Цзинлуна, так юноша вызвал огромный шум. Этот год оказался тем же, когда Ли Цзинлуну исполнилось восемнадцать лет, таким образом, исчезло все: от какого-либо братства до предложений о женитьбе. Вот так просто.

– Насколько же велика была его обида на вас! – воскликнул Хунцзюнь, наконец-то понимая, что вопросы Цинь У сегодня были вызваны его чувством вины. По словам Ли Цзинлуна, позже Цинь У действительно получил повышение, но, узнав о слухах, Ху Шэн перевел его в другой отряд. И в последующие дни солдаты под командованием Ли Цзинлуна вели себя с ним так же, как и с любым другим начальником.

– Все в порядке, – отмахнулся Ли Цзинлун. – С моей стороны было глупо ждать искренности от поверхностной дружбы. Ответственность здесь лежит на мне.

– Хм? – Чжао Цзылун услышал кое-что странное в тоне мужчины, он всем телом напрягся, посмотрев на Ли Цзинлуна.

Произнеся это, Ли Цзинлун не смог удержаться, чтобы снова не взглянуть на Хунцзюня, однако тот был слишком возмущен рассказом. Однако, основываясь на том, что юноша знал и слышал, он не стал бы задумываться о более глубоком смысле, стоящим за всем этим.

– Вам нравился Цинь У? – спросил Хунцзюнь.

– Нет. Это было только потому, что он был юн, и... и... и... – Ли Цзинлун опустил голову и пробормотал под нос. – И его семья была в тяжелом положении, поэтому я особенно заботился о нем. Не злись за меня, я уже давно оставил это позади, особенно теперь, когда я поступил в Отдел экзорцизма. Все восприняли это, как рыба воду, так что, естественно, я больше не буду думать об этом всем.

Хунцзюнь на некоторое время задумался, последним, что он произнес было:

– Ох...

Ли Цзинлун мгновенно замолк. Когда же он поднял глаза, чтобы посмотреть на Хунцзюня, тот уже повернулся к Чжао Цзылуну, говоря:

– Я думал, что «это» могут делать только мужчины с женщинами, но оказывается, что мужчины с мужчинами тоже могут...

Ли Цзинлун предпочел ничего не говорить. Чжао Цзылун же после недолгой паузы сказал:

– Однако мужчины делают «это» друг с другом не ради детей, я бы никогда не смог с рыбой-

мужчиной.

- И как же вы, рыбы, делаете это? - Хунцзюню стало очень любопытно.

Разговор становился все более и более неловким по мере своего продолжения, Ли Цзинлун хотел побыстрее сменить тему, когда Чжао Цзылун продолжил:

- Это не то, о чем тебе стоит волноваться, зачем тебе так много знать? Но, возвращаясь к теме, если тебе действительно кто-то нравится, то обойти это невозможно. Кто-то любит делать «это», кто-то любит делать «то». Человеческое царство столь всеобъемлюще, что такого в том, что адъютант Ли предпочитает мужчин? Ему не нужно, чтобы посторонние лениво похрустывали редисом и беспокоились за него. Кстати об этом, Хунцзюнь, тебе разве не нравился тот лис, с которым ты познакомился?

- Он мне не нравился! - возразил Хунцзюнь. - Мне было просто жаль его.

Ли Цзинлун немедленно схватил свиток и бросил его Хунцзюню, чтобы наконец закончить этот разговор.

- Взгляни.

Двадцатый год эпохи Тяньбао, пятый день одиннадцатого месяца.

Дело для Отдела экзорцизма: караван столкнулся с некоторыми проблемами (убийство).

Сложность: уровень «елочка».

Район: хребет Пинхэ.

Вовлеченные в дело: караван 22 западного региона Кучи⁶.

⁶ Куча, Цюцы - древнее государство в Синьцзян-Уйгурском авт. р-не, КНР.

Подробности: Пятым днем одиннадцатого месяца караван Кучи проходил через разветвление гор Циньлин в Пинхэ Лян и к полудню угодил в засаду. Двенадцать человек были жестоко убиты, виновный неизвестен, есть подозрения, что это были яо. Дело было передано Отделу экзорцизма Великой Тан на рассмотрение.

Награда: Огромная признательность и личная благодарность торговцев Кучи и торгового посланника, проживающего в Чанъане, Хань Голаня.

- Нужно проверить.

- Уже слишком поздно, давай завтра, - сказал Ли Цзинлун.

Сумерки сгустились, осенняя ночь обдавала холодом. Мо Жигэнь со своей группой уже вернулся, все сели ужинать и обсуждать свои находки.

- И куда вы опять ходили развлекаться? - поинтересовался Ли Цзинлун, заметив, что они не притронулись к своему ужину.

- Мы столкнулись с делом убийства чьей-то жены, - нахмурился Мо Жигэнь, поднимая чашку, чтобы выпить немного воды. - Кузнец поругался с женой и зубилом и молотком забил ее до смерти. Мозги были разбросаны везде: на стенах, на кровати...

- Пожалуйста, прекрати! - немедленно перебили А-Тай и Цю Юнсы Мо Жигэня, чтобы он перестал пересказывать эту сцену. Им потребовалось очень много усилий, чтобы позабыть об этом.

Хунцзюнь же спокойно ел суп из крабовой икры. А-Тай продолжил:

- Было еще дело. Человек заболел и отправился к лекарю. Тот был деревенским халтурщиком и, сделав кровопускание пациенту, ненароком убил его. Лекарь сбежал, а семья вынесла гроб и устроила шум перед залом Чуньлинь.

- Хм, - Ли Цзинлун еще думал о попавшем в засаду караване. - Еще какие-то новости есть?

- С начала месяца и по сей день все случаи убийств находятся в этих свитках, - сказал А-Тай.

- Так много убийств с начала одиннадцатого месяца?! - удивленно воскликнул Ли Цзинлун, откладывая палочки для еды.

- Не знаю, всегда ли в Чанъане так много людей убивали. Подобное число аномально? - поинтересовался Мо Жигэнь.

- Точнее, все эти убийства произошли вчера и сегодня, - заметил Цю Юнсы.

- За последние два-три дня, если считать еще караван, было убито четырнадцать человек, - произнес Ли Цзинлун. - Неужели все серьезно?..

- Не забывайте, что главарь яо все еще где-то прячется, - напомнил А-Тай.

- Он пытается спровоцировать нас? - вмешался Хунцзюнь.

Ли Цзинлун глубоко вздохнул и нахмурился. Он не ответил. Так все экзорцисты отправились спать, чтобы завтра пораньше отправиться на разведку.

Поздно ночью Хунцзюнь присел на корточки у пруда, чтобы прополоскать рот. Чжао Цзылун высунул голову из пруда.

- Хунцзюнь.

Юноша повернул голову, приподняв бровь, всем видом показывая, что, если Чжао Цзылун хочет что-то сказать, пусть говорит.

- В твоей жизни появлялся кто-то, с кем ты бы хотел провести всю свою жизнь? - последовал вопрос.

- Что ты имеешь в виду? - прополоскав рот, Хунцзюнь сел на край пруда.

- Я имею в виду ту, с которой хочешь быть всю жизнь и больше не думаешь снова перемахнуть через Врата дракона, просто остаться с ней, вместе состариться, и в день, когда она умрет, пожалеть, что не можешь отправиться следом за ней, - объяснил Чжао Цзылун в оцепенении, то открывая, то закрывая свой рыбий рот.

- Появлялся, - улыбнулся Хунцзюнь.

- Кто?

- Папа, Цин Сюн.

- Я имел в виду не их. Ладно...

Чжао Цзылун собрался возвращаться и лечь спать, но Хунцзюнь дернул его за хвост, вытаскивая из воды.

- Что случилось? Рассказывай.

- Когда ты с ней... рядом, чувствуешь себя неописуемо уютно, тебе не нужно ни о чем думать.

- Адъютант Ли, - сказал Хунцзюнь.

- Тьфу!

- На него всегда можно положиться, он хороший человек, так что мне остается только оставить ему все, верно? Что с тобой происходит, Чжао Цзылун? Ты весь день странно ведешь себя.

- Я влюбился в кои, - наконец-то признался карп.

- А? В смысле?

- Я хочу создать с ней семью и никогда не расставаться.

- Разве ты не хотел перемахнуть Врата дракона? - удивился Хунцзюнь. - Ты не собираешься?

Чжао Цзылун оперся одной рукой о берег, подпер голову и выпустил несколько пузырей.

- Эти слова - лишь утешение в лучшем случае. Мы живем в обществе, поэтому все мы должны хоть о чем-нибудь мечтать, верно? Даже если эта мечта недостижима...

- Что значит «любить»? - спросил Хунцзюнь, почесав затылок.

- Ах, ты не поймешь, - Чжао Цзылун нырнул в воду. Он поднял глаза, чтобы взглянуть на Хунцзюня, но больше ничего не сказал.

Хунцзюнь собирался как раз снова выловить его, чтобы продолжить допрос, но неожиданно раздалась серия отчаянных ударов. Когда он открыл дверь, внутрь ворвался человек. Он был весь в крови и дрожащим голосом лепетал:

- Спасите меня... спасите... капитан... простите... спасите меня...

- Цинь У? - вздрогнул Хунцзюнь.

<http://erolate.com/book/3616/89521>